

УДК 341

Понятие уголовной юрисдикции смешанного типа: гибридные трибуналы и интернационализованные суды

Шакирова Р.И.

Аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируется понятие смешанной уголовной юрисдикции. Затрагиваются вопросы актуальности создания гибридных (смешанных) трибуналов и интернационализованных судов для разрешения дел за совершение преступлений по международному праву.

Ключевые слова: гибридный трибунал, интернационализованный суд, смешанная уголовная юрисдикция, Специальные судебные палаты по серьезным преступлениям в Тиморе-Лешти.

Справедливое наказание лиц, виновных в совершении международных преступлений, является важнейшей задачей международного сообщества. Оно маловероятно без объединения усилий национальных органов осуществления правосудия.

В данный момент наблюдается неповоротливость механизма рассмотрения дел в Международном уголовном суде (далее МУС), налицо его загруженность и невозможность быстрого и эффективного разрешения дел. В связи с этим назрела необходимость создания альтернативных органов правосудия, способных функционировать «на местах» и обладающих соответствующей юрисдикцией и кадровым обеспечением.

Одним из решений данного вопроса является создание так называемых смешанных (гибридных) трибуналов и интернационализованных судов [1].

«Гибридные» или смешанные трибуналы или «интернационализованные» суды – это термины, используемые для описания тех судов, которые включают как национальные, так и международные элементы в организации, структуре и функционировании в судебной системе, а также в применении законов и осуществлении уголовного судопроизводства. Другими словами, «как институциональный аппарат, так и применимый закон представляют собой сочетание международных и национальных элементов» [2].

Настоящее исследование имеет своей целью сформулировать понятие гибридных (смешанных) трибуналов и интернационализованных судов и

проанализировать предпосылки и необходимость их появления в международном праве.

В первую очередь в этой связи необходимо отметить наличие серьезных недостатков в деятельности Международного уголовного суда: большой срок рассмотрения дел, неспособность оперативного функционирования ввиду долгого вынесения судебных решений, рассмотрение дел далеко за пределами государств, где имел место конфликт, что препятствовало участию в судебных процессах жертв конфликта, ограниченное финансирование и огромная нагрузка на Организацию Объединенных Наций (функционирование МУС осуществляется за счет бюджета ООН). Также необходимо отметить, что в соответствии со ст. 11 Римского статута МУС Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после вступления в силу настоящего Статута. Следовательно, для преследования преступлений, совершенных до вступления Римского статута в силу, необходимо было учредить особые органы, которые бы обладали соответствующей юрисдикцией.

Методы исследования. Автором были использованы общенаучные методы системного, структурного анализа и специальные методы исследования: исторический, сравнительно-правовой, формально-логический.

Международное уголовное право традиционно признало два основных механизма обеспечения индивидуальной уголовной ответственности в отношении лиц, обвиняемых в совершении международ-

ных преступлений. Основное внимание уделялось судебным разбирательствам в национальных судах, но также и в судах других государств, включая государства, осуществляющие универсальную юрисдикцию. Для этой цели были созданы международные уголовные трибуналы. Однако до учреждения Международного уголовного суда такие учреждения были временными, специальными учреждениями, обладающими правовой природой *ad hoc*. В последние годы внимание было также обращено на другой механизм – гибридный, смешанный или интернационализированный уголовный трибунал. Такие трибуналы, как правило, применяют сочетание национального и международного права (как процедурного, так и содержательного характера) и содержат сочетание международных и национальных элементов, в частности, международных и национальных судей и персонала. Несмотря на некоторые разногласия в отношении тех учреждений, которые должным образом считаются смешанными или интернационализированными, в эту категорию обычно включаются следующие трибуналы и интернационализированные суды: Специальные судебные палаты по серьезным преступлениям в Тиморе-Лешти; Смешанные судебные коллегии в Косово; Специальный суд по Сьерра-Леоне; Судебная палата по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине; Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже; Специальный трибунал по Ливану. Также в августе 2007 г. была учреждена Международная комиссия по борьбе с безнаказанностью в Гватемале – независимый орган по расследованию деятельности незаконных вооруженных формирований в стране.

Некоторые авторы считают, что к этой категории могут относиться другие учреждения, в частности, Специальный трибунал по Ираку и суд Локерби [3].

Кроме того, подобным органом, обладающим гибридной юрисдикцией, являются Чрезвычайные африканские палаты в Дакаре (Сенегал), созданные в 2013 г. под эгидой Африканского Союза.

В постконфликтных обществах национальные судебные процессы часто не имеют легитимности, поскольку судебные органы не являются беспристрастными и независимыми или не воспринимаются как таковые. В свою очередь, считается, что судебные разбирательства международными судами, такими как Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде и Международный уголовный суд также не имеют легитимности. Судебный процесс происходит в залах суда далеко от места действия конфликта, где его участниками являются юристы, не знакомые с конфликтом и обстоятельствами, при которых были совершены преступления. Как упоминалось выше, процедуры рассмотрения дел в МУС отличаются своей медлительностью и неэффективностью в

силу объективных причин: ограниченного финансирования, неповоротливости процессуальной системы, дорогостоящего механизма представления интересов и участия в процессе потерпевших, затягивающего процесс апелляционного пересмотра промежуточных решений.

Поэтому в настоящее время международное сообщество задумалось о создании судебных органов в сфере уголовного судопроизводства, обладающих юридической природой *ad hoc* и объединяющих в своей деятельности элементы международного и национального права, – гибридных трибуналов и интернационализированных судов. Они были встречены международным сообществом с большим нетерпением. Считается, что гибридная модель осуществления правосудия, которая характеризуется сочетанием национальных и международных компонентов, «обещает многое» и фактически предлагает подход, который может решить как проблемы международного правосудия, так и вопросы национальной юрисдикции [4, с. 1060]. С другой стороны, представляется, что гибридные суды не имеют недостатков национальных судов, занимающихся только внутренними вопросами, и международных судов, таких как Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии (МТБЮ), Руанде (МУТР) и Международный уголовный суд. Модель гибридных судов имеет целью объединить сильные стороны трибуналов *ad hoc* с преимуществами осуществления правосудия на местах [5, с. 245].

Несомненно, гибридные трибуналы и интернационализированные суды имеют много преимуществ перед другими судами. Таковыми являются: отсутствие громоздкого процессуального механизма осуществления правосудия; создание компетентного судебного органа с принятием во внимание особенностей конфликта в каждом конкретном государстве; осуществление финансирования посредством добровольных взносов государств-членов (кроме Специальных судебных палат по серьезным преступлениям в Тиморе-Лешти), не обременяя бюджет Организации Объединенных Наций (ООН).

Международная практика создания органов смешанной уголовной юрисдикции берет начало в 2000 г. Гибридная модель правосудия была впервые создана в Восточном Тиморе, когда были созданы Специальные судебные палаты по серьезным преступлениям в Тиморе-Лешти для преследования грубых нарушений прав человека. Очевидный ответ, почему Международный уголовный суд не рассматривался как соответствующее учреждение для расследования нарушений прав человека, имевших место в Восточном Тиморе, заключается в том, что данные преступления были совершены до вступления в силу Римского статута Международного уголовного суда (1 июля 2002 г.), учредившего данный орган, а из этого следует, что Международный уго-

ловный суд не обладает юрисдикцией в отношении этих преступлений¹.

Необходимо указать, что данный факт не означает, что при наличии Международного уголовного суда в настоящее время нет больше потребности в гибридных или смешанных трибуналах. Если учесть принцип взаимодополняемости, сформулированный в Римском статуте, который призван предоставлять национальным судам приоритет и предусматривает, что МУС является судом последней инстанции, то становится очевидно, что юрисдикция МУС никогда не предусматривалась как исключительная. Помимо этого, гибридные трибуналы заполняют «пропасть» между местными судами, которые могут быть коррумпированы, политизированы или ослаблены и уничтожены вооруженным конфликтом, и международными судами и, следовательно, обеспечат «эффективную альтернативу».

Восточный Тимор обрел независимость в мае 2002 г. В 1975-1999 гг. территория Демократической Республики Восточный Тимор была оккупирована вооруженными силами Республики Индонезии. За время индонезийского господства население Восточного Тимора подвергалось казням, пыткам, массовым убийствам и другим вопиющим нарушениям прав человека. В докладах ООН указывается, что около 200 тыс. чел., то есть одна треть населения, погибли во время индонезийской оккупации в результате серьезных нарушений прав человека и гуманитарного права. После продолжительных переговоров между представителями Индонезии и Португалии при участии Генерального секретаря ООН сторонами было достигнуто соглашение о статусе Восточного Тимора, которое предусматривало проведение референдума.

30 августа 1999 г. народ Восточного Тимора большинством голосов (около 80 %) проголосовал за обретение Восточным Тимором независимости.

После объявления результатов голосования военизированные формирования, выступающие за автономию в составе Индонезии, при поддержке вооруженных сил Индонезии устроили кровавую резню, в ходе которой тысячи жители Восточного Тимора были убиты и до 500 тыс. были вынуждены покинуть свои дома.

Неспособное разрешить ситуацию, правительство Индонезии обратилось за помощью к Организации Объединенных Наций, после чего Совет Безопасности уполномочил создание многонациональных сил под единым командованием Австралии с целью восстановления мира и безопасности, а впоследствии резолюцией 1272(1999) от 25 октября

1999 г. учредил Временную администрацию ООН в Восточном Тиморе (ВАООНВТ) в качестве комплексного, многофункционального органа по поддержанию мира, несущего полную ответственность за обеспечение управления в Восточном Тиморе в период перехода к независимости.

Впоследствии Совет Безопасности ООН неоднократно указывал на необходимость привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении в 1999 г. серьезных нарушений прав человека, для обеспечения примирения и стабильности в регионе. В соответствии с Резолюцией Совета Безопасности 1272(1999), общую ответственность за административное управление в Восточном Тиморе должна нести Временная администрация ООН, и с этой целью она наделялась всеми необходимыми законодательными и исполнительными полномочиями, включая отправление правосудия. В 2000 г. ВАООНВТ приняла несколько решений, на основе которых был создан соответствующий механизм, известный сегодня как Специальные палаты по тяжким преступлениям в Тиморе-Лешти [6].

Впоследствии стали появляться и другие подобные органы смешанной уголовной юрисдикции, такие как Смешанные судебные коллегии в Косово; Специальный суд по Сьерра-Леоне; Судебная палата по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине; Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже; Специальный трибунал по Ливану и другие. Для того, чтобы выявить их схожие черты и предпринять попытку сформулировать относительно точное определение гибридных трибуналов и интернационализированных судов, необходимо рассмотреть их свойства и составные компоненты.

Каждый из перечисленных выше органов уникален, поскольку был создан для каждого конкретного случая. Юридической основой функционирования их являются нормативные акты, принимаемые по инициативе ООН и в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Юрисдикция таких судов распространяется преимущественно на военные преступления, преступления против человечности и геноцид, так как они учреждаются в постконфликтных обществах. Финансирование почти всех трибуналов осуществляется посредством добровольных взносов государств-членов. Общим для всех гибридных трибуналов и интернационализированных судов является сочетание международных и национальных элементов в своей структуре, например, использование международного и национального права, привлечение международных судей наряду с местными, участие международных юристов и персонала. Как правило, данные органы смешанной уголовной юрисдикции находятся в месте действия конфликта с целью обеспечить жертвам и местному населению присутствие на судебных процессах, имея главной задачей примирение и реконструкцию общества после конфликта.

¹ В соответствии со ст. 11 Римского статута, Международный уголовный суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после вступления в силу настоящего Статута. Таким образом, его временная юрисдикция ограничена преступлениями, совершенными после даты вступления Римского статута в силу – 1 июля 2002 г.

Необходимо отметить, что данные суды финансируются за счет добровольных взносов государств-доноров, что значительно снимает финансовую нагрузку с Организации Объединенных наций. Также, гибридные трибуналы и интернационализованные суды по своей правовой природе являются судами *ad hoc*, то есть созданными для конкретного случая.

В заключении отметим, что при явных плюсах учреждения гибридных трибуналов и интернационализованных судов данные органы имеют и недостатки. Анализ современной практики функционирования таких судов позволил обозначить следующие острые вопросы, требующие разрешения. Во-первых, они испытывают проблемы со слабым финансированием, кадровым обеспечением, недостатком знаний и опыта в проведении судов по международным преступлениям. Имеются также и технические проблемы организации функционирования судопроизводства. Помимо вышеназванного, каждый конкретный суд сталкивается с новыми проблемами частного порядка. Все они также имеют проблему признания их международно-правового статуса. Подобные учреждения нередко подвергаются критике из-за их зависимости от резолюций Совета Безопасности ООН, что влечет за собой их зависимость от существующих на данный момент политических решений постоянных членов Совета [7, с. 2-20].

Как отмечает Сьюзан Катценштейн, гибридная модель юрисдикции сочетает в себе сильные стороны трибуналов *ad hoc* с преимуществами уголовного преследования на местах [5, с. 245].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно попытаться сформулировать определение гибридных трибуналов и интернационализованных судов. Данная модель юрисдикции характеризуется смешением национальных и международных компонентов, обладает правовой природой *ad hoc*, комбинированием национальных и международных участников процесса, юридической основой каждого отдельного органа (как правило) являются нормативные акты, издаваемые в соответствии с резолюциями СБ ООН, в предметную юрисдикцию входят серьезные преступления по международному праву, а финансирование (как правило) осуществляется на основе добровольных взносов государств-участников.

Уместно отметить, что не существует идеальной модели, придерживаясь которой каждый конкретный орган работал бы эффективно. В каждом конкретном случае должны учитываться обстоятельства, при которых он был создан, и цели, достижение которых им преследуется. Только в этом случае суды, созданные в конкретном контексте для судебного преследования международных преступлений, имеют хоть какой-то шанс оправдать возложенные на них ожидания.

Литература:

1. Каюмова А.Р. Гибридные трибуналы и интернационализованные суды в системе международной уголовной юстиции // Российский судья. – 2009. – № 5 – С. 36-39.
2. Skinnider E. Experiences and lessons from “Hybrid” tribunals: Sierra Leone, East Timor and Cambodia. – URL: <https://icclr.law.ubc.ca/sites/icclr.law.ubc.ca/files/publications/pdfs/ExperiencesfromInternationalSpecialCourts.pdf> (дата обращения: 02.08.2017).
3. Williams S. Hybrid International Criminal Tribunals. / Oxford Bibliographies Online. 2014. – URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199796953/obo-9780199796953-0069.xml> (дата обращения: 12.06.2017).
4. Dickinson L. The Relationship between Hybrid Courts and International Courts: The Case of Kosovo // New England Law Review. – 2003. – P. 1059-1072.
5. Katzenstein S. Hybrid Tribunals: Searching for Justice in East Timor // Harvard Human Rights Journal. – 2003. – P. 245-278.
6. Regulation № 1999/1 of 27 November 1999 on the Authority of the Transitional Administration in East Timor; Regulation No.2000/11 of 6 March 2000 on the Organization of Courts in East Timor; Regulation No.2000/15 of 6 June 2000 on the Establishment of Panels with Exclusive Jurisdiction over Serious Criminal Offences. – URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/past/etimor/etimor> (дата обращения: 05.10.2017).
7. Köchler H. Universal Jurisdiction and International Power Politics // Ideal versus Real. Yeditepe’de Felsefe. – 2006. – P. 2–20.

Mixed-Type Criminal Jurisdiction: Hybrid Tribunals and Internationalized Courts

R.I. Shakirova
Kazan (Volga Region) Federal University

In this article, the author analyzes the notion of mixed criminal jurisdiction. The author touches upon the relevance of creating hybrid (mixed) tribunals and internationalized courts for the resolution of cases for the commission of crimes under international law.

Key words: hybrid tribunal, an internationalized court, mixed criminal jurisdiction, the Special Panel for Serious Crimes in East Timor, international criminal law.